

дворцом просвещения, способствовало успеху выставки. При входе на выставку словно переселяешься в другой мир, далекий от тяжелых условий настоящей жизни.

За время существования выставку посетило до 19.000 человек, из них – школьников свыше 9.000. Рабочие приходили на выставку целыми группами. Обозрение выставки групповыми посетителями сопровождалось объяснениями, даваемыми местными художниками. Отмечалось внимательное и вдумчивое отношение посетителей, многим из которых впервые приходилось бывать на картинных выставках. Надо пожелать, чтобы на смену закрывающейся выставки губернский отдел устроил бы новую и тем постоянно поддерживал бы, особенно среди молодежи и широких масс трудового населения, живой интерес к искусству»²²⁰.

Губотдел просвещения произвел на выставке серьезные закупки для Рязанского губернского историко-художественного музея. Согласно протоколу коллегии губпробса от 28 января на закупки было ассигновано 150 000 руб.²²¹ 1 февраля коллегия отобрала 24 картины рязанских и московских художников, исключительно реалистического направления²²².

5 марта 1920 г. коллегия рассматривала «заявление гравера Тиходеева об уплате ему 2475 р. за изготовление клише портретов Маркса, Энгельса, Свердлова и Троцкого для букваря по ликвидации безграмотности. Постановили: предложить Тиходееву составить смету, в счет которой выдать просимую сумму авансом»²²³.

Серьезным фактором художественной жизни Рязани стала возникшая на рубеже 1919/20 гг. студия Гарнизонного клуба, возглавляемая Ф.А. Малявиным и М.Г. Кирсановым, в которой сгруппировались бывшие ученики РГСХМ, призванные в Красную Армию, равно как вольнослушатели из гражданских лиц. Весной 1920 г. она, вместе с театральной студией, переезжает в имение Малявина, которое он предоставил в распоряжение политпросвета и местной школы²²⁴.

В этот период красноармейская студия становится альтернативой РГСХМ, и явно более притягательной. Если Мастерские в первой половине 1920 г. все-таки работают, то ни шатко, ни валко. В сущности, РГСХМ свелись вновь к студии Калиниченко образца 1918 г., с той разницей, что существует художественно-педагогический совет, о деятельности которого, впрочем, подробностей не имеется.

Лишь 9 июля 1920 г. коллегия губнаробраза вновь поднимает вопрос о Художественных Мастерских, по той причине, что ИЗО Наркомпроса категорически требует наладить работу РГСХМ.

«Из доклада зав. Секцией изобразительных искусств т. Пырсина о положении Государственных Художественных мастерских в г.Рязани

Докладчик указывал, что уже 3-й год мастерские трудно налаживаются. Теперь в них 50 учащихся, из которых посещают мастерскую одна лишь малая часть, руководитель один в лице худ. Калиниченко. Мастерские стеснены в помещении, кредит и материале.

Т[ов]. Виноградов, выступая содокладчиком, передавал свою беседу с зав. «ИЗО» Н.К.П. Штернбергом [Точнее, Д.П. Штернбергом. – А.Н.]

по поводу организации секции ИЗО Рязгубнаробраза и организации худ. мастерских в губернии.

Кредиты на мероприятие по Секции ИЗО Рязгубнаробраза и материалы Центр будет давать лишь при условии наладить в Рязани Государственные мастерские, в которых были бы представлены, как правые, так и левые течения живописи, причем для лучшей организации мастерских может быть послан особый уполномоченный из Москвы от «ИЗО».

Т[ов]. Троицкий интересуется, входит ли в число слушателей рабочий элемент и из кого вообще состоит состав учащихся мастерских.

Т[ов]. Пырсин отвечает, что большинство учащихся состоит из бывших учеников ср. школы, рабочего элемента в собственном смысле нет, большинство учащихся состоит в то же время на службе по советским учреждениям. Учащиеся составляют коллектив, который руководится Советом, куда входят худ. Калиниченко и несколько учащихся.

Постановили: а) по предложению т. Троицкого согласиться с планами организации мастерских ИЗО Н.К.П., просить из Москвы прислать художников на недостающие предметы.

б) объявить по рабочим организациям относительно приема учеников в Государственные мастерские и постараться шире заинтересовать об этом рабочие организации.

в) ввиду того, что настоящий Совет учащихся Государственных мастерских, как избранный очень малым количеством учащихся, представляет собою случайный элемент, то распустить его, не прерывая, однако, занятий в художественных мастерских, и Совет будущих Государственных мастерских брать из нового состава учащихся, введя в него, как обязательного члена зав. Секцией изобразительных искусств.

Т.к. кредитов и материалов по Секции изобразительных искусств на 1920 г. нет, то командировать в Москву, за разрешением всех вопросов, связанных с Секцией изобразительных искусств тов. Пырсина»²²⁵.

Сергей Андреевич Пырсин (1868–1962) окончил в свое время Дюссельдорфскую Академию художеств, но затем покинул карьерой художника в пользу педагогической. Еще в 1904 г. он открыл в Рязани частную студию, которую посещал, в частности, А.А. Киселев-Камский, а затем долго преподавал рисование в городских учебных заведениях. Заведующий секцией из него мог бы получиться, верно, не худший, чем Калиниченко, но сейчас в серьезный рабочий настрой Пырсина трудно поверить. 13 апреля 1920 г. умерла от сыпняка его жена и он, сломленный этой потерей, не чает, как выбраться из опостылевшей Рязани²²⁶.

ИЗО Наркомпроса, где еще сохраняют влияние «левые», твердо намерен дать РГСХМ второй шанс. В Рязань прибывает и с 29 июля по 1 августа 1920 г. проводит обследование секции изобразительных искусств губнаробраза сотрудник Наркомпроса Н.М. Тарабукин. В результате появляется его отчет (См. **Приложение 4**), очень ярко характеризующий деградацию РГСХМ после неудачи со «строительством мастерских» летом 1919 г. Это один из самых интересных документов, встретившихся нам, особенно с учетом личности его автора.

Фигура Николая Михайловича Тарабукина (1889–1956) подобно Ф.А. Малявину резко выламывается из провинциального, в целом, контекста истории РХУ. Имя этого выдающегося отечественного искусствоведа широчайшего диапазона после многолетнего забвения вновь обретает заслуженную известность. Идеолог ЛЕФа и знаток старины искусства, историк костюма и исследователь режиссерского мастерства Мейерхольда, преподаватель ВХУТЕМАСа и ГЭКТЕМАСа, ГИТИСа и ВГИКа, работник Пролеткульта и член-корреспондент Академии художественных наук – все это Тарабукин. Его теория диагонального строения художественной формы, его работы о стилевой природе традиционных жанров изобразительного искусства сохраняют свою актуальность и сегодня. «Прозорливцем в мире искусства» называет Тарабукина А.А. Тахо-Годи²²⁷.

После яркого дебюта 1920-х гг. работы Тарабукина не публиковались. До конца жизни единственно возможной формой обнародования своих идей стали для него лекции во ВГИКе и ГИТИСе. Лишь после смерти автора и спустя почти 40 лет после создания увидела свет его книга о М. Врубеле. В последующие годы интерес к наследию Тарабукина неуклонно возрастает. Изданы его «Очерки по истории костюма» (1994), «Смысл иконы» (1998), сборник «Н.М. Тарабукин о В.Э. Мейерхольде». Пришел черед и его публичных лекций²²⁸.

В художественно-агитационном подотделе ИЗО Наркомпроса Н.М. Тарабукин одновременно заведовал экскурсионной частью и лекционной секцией²²⁹.

В своем отчете, красноречивом и хлестком, Тарабукин пишет о развале, царящем в губнаробразе, «воздухе, насыщенном сплетней, враждой, трусостью и бездельем», о доминирующей роли губполитпросвета в культурной работе, наконец, о положении РГСХМ. Из ретроспективных упоминаний Тарабукина выясняется, что после того, как Я.Я. Калиниченко остался единственным руководителем РГСХМ, семеро приверженцев «левого искусства» покинули Мастерские по соображениям эстетической несовместимости. Вероятно, это были те, кто предполагал заниматься в мастерских Н.Е. Роговина и В.П. Киселева, в том числе, наверняка – И.В. Орехов и М.А. Твердова. Удивление вызывает указанная Тарабукиным численность учащихся РГСХМ: «Было 700 учеников – теперь 73, посещаемость 40 человек». В прежних документах нам ни разу не встречалась даже трехзначная цифра, тем более, такая впечатляющая, как 700. Она выглядит чрезмерной даже при раскладе ее на 9 планировавшихся мастерских. Скорее всего, эту цифру Тарабукин мог услышать при посещении РГСХМ от кого-то из учеников, либо от Калиниченко, весьма склонного к вольному обращению с фактами.

Отчет Тарабукина передает настроения учеников, не удовлетворенных сложившимся в Мастерских положением. Ущемленные даже в возможности получить свои краски, хранящиеся в губотделе, лишенные субсидий и пайков, они все же старались следовать традициям самоуправления, заложенным первоначальным проектом ГСХМ, избрав совет и отстаивая его право на существование. Вопреки установкам Калиничен-

ко, они сохранили интерес к новым направлениям в искусстве. Они желали иметь руководителя-скульптора. Эти и другие пожелания, зафиксированные в отчете Н.М. Тарабукина, найдут отклик в Наркомпросе.

В судьбе будущего РХУ Н.М. Тарабукин возник на одно мгновение, в роли проверяющего из центра, которых в училищной истории будет множество, но его отчет сыграл, быть может, решающую роль на том этапе и, в значительной степени, предопределил дальнейшее развитие событий.

22 августа в рязанских «Известиях», давно не сообщавших ни о каких событиях художественной жизни города появляются сразу две публикации. В фельетоне «Наше ИЗО» некий *Поклонник ИЗО* пишет:

«В городе Рязани существуют художественные мастерские. Про них говорят “так называемые”. Из Москвы было сказано: – “если будете культивировать новые течения изобразительных искусств, будут вам деньги и материалы, а нет – нет!” Рязанские “реалисты” были строго ортодоксальны и, проклиная кубизм и футуризм, отказались заключить такой “мирный” договор с т. Штернбергом из центрального ИЗО Наркомпроса.

Трудящиеся между тем очень хотели заниматься в Советской России “художествами” и на работу в мастерских записалось до 400 человек. Положение создалось катастрофическое – денег и материалов нет, всего-навсего один художник, а учащихся целая утка [sic?! – А.Н.] Чтобы отучить последних от занятий “художествами” Рязанское ИЗО взяло их измором...

Сейчас в мастерских числится около 60 учащихся, а фактически ходят и работают не больше 10 человек самых отчаянных и заядлых любителей, которым очевидно нечего терять в жизни. Недавно в настроении Губнаробразовских вождей в области ИЗО произошел перелом и в результате был заключен мирный договор с тем же знаменитым т. Штернбергом. Говорят, что сейчас уже и деньги есть, и материалы есть и даже преподаватели находятся, но нет лишь учащихся. Положение напоминает – “хвост вытащишь – нос увяз, нос вытащишь – хвост увяз»²³⁰.

Налицо явная попытка свалить на ИЗО Наркомпроса вину за положение в РГСХМ и заодно переписать их историю в вульгарно-упрощенном духе. Разве с демоническим т. Штернбергом, как упорно именует автор Д.П. Штеренберга, не был заключен «мирный договор» еще 6 мая 1919 г.? Кто его нарушил всего два месяца спустя? Разве Наркомпрос виноват в том, что в РГСХМ остался «всего-навсего один художник»? И откуда взялась теперь цифра в 400 учащихся?

Другая заметка информировала:

«19 августа в помещении Губнаробраза состоялось торжественное открытие выставки снимков с картин известных русских художников, организованной Советом профессиональных Союзов, Горнаробразом и пр. В начале торжества с большой речью о природе искусства и о нашем отношении к нему выступил проф. Сидоров. С возражениями против основных положений докладчика выступили некоторые из публики. Заявился оживленный обмен мнений, причем в конце много споров сплелись около левых течений в живописи. Тов. Малышев давал объяснения публике по содержанию картин, учил их “смотреть” картины. Выставка

Могут быть приглашены лектора и мастера по мере выяснения их надобности. Срок обучения, приблизительно, от 3 до 5 лет, в зависимости от способностей и желания обучающегося.

Даются 3 степени свидетельств, соответственно трем категориям: 1-я – десятника, 2-я – строителя, 3-я – архитектора-художника.

ГАРФ. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 152 Л. 112-113.

Приложение 4

Отчет обследования секции ИЗО Рязанского губотнаобраза

Состав: зав. п/отделом искусств, в который входит ИЗО Алексей Сергеевич Виноградов – учитель городских школ. Худ. стажа никакого. К искусству касательства, по общим отзывам, также никакого. Заведующим состоит в течение 4-х месяцев. Заведующий секции ИЗО – Сергей Андреевич Пырсин, окончил Дюссельдорфскую Академию Художеств; был учителем рисования. Направление в живописи старое – передвижническое. Во время моего пребывания в Рязани Пырсин был в Москве, таким образом с ним я не беседовал. Инструкторов в секции ни одного. Почему. Полный развал не только ИЗО, но и всего Отдела Народного Образования. Меня встретила заместительница заведующего Отделом, с некоторым разочарованием узнав, что я заинтересован «только одной секцией». Ревизии и реконструкции, как персональной, так и в иных отношениях, по ее словам, требует весь Отдел.

Как и следовало ожидать, беседуя то с одним, то с другим, я был отравлен воздухом, насыщенным сплетней, враждой, трусостью и бездельем. Больше того: так как мне пришлось познакомиться и с работой местного губполитпросвета Военкома и возможность сопоставить постановку дела в Отнаобразе и Политпросвете, то преимущество оказалось всецело на стороне последнего. Да об этом уже составилось общее мнение в городе, и нужно признать, что политпросвет в данный момент стоит во главе культурной работы в городе. У него находятся и все лучшие силы.

По существу, работы в секции никакой нет. Заведующему п/отделом искусств мной даны инструкции о стенгазете. Редактор не мог быть назначен тут же, т. к. в секции нет инструкторов. Привлечением их я весьма просил озабочиться секцию. Также даны были инструкции об экскурсиях и постановке экскурсионного дела (которое в данный момент «никак не стоит»), о витринах (которых также нет), о выставках, которых было до сих пор 4, из них последняя посвящена была работам умершего художника Никифорова. Следующей намечена выставка гравюр из художественного музея.

Работа в уезде идет еще хуже. Кой-где есть случайно заехавшие профессионы художники или любители, открываются «студии». Они есть: в Касимове, Спасске, Раненбурге, Пронске, Сапожке. Как идет в них работа, кто персонально руководствует – сведений нет. Дело, видимо, как возникает, так и прекращается, находясь в зависимости от случая. Связи с уездом никакой. При театре Отнаобраза существуют декорационные мастерские. Заведующий Мешков, работают также художники Калиниченко, Киселев. Мной была разъяснена практическая польза открытия возможно большего числа студий в этом году, дабы они, как уже существующие, вошли в смету 21-го года.

Реакция довольно тусклая. Планов на будущее – нет. Почему. Нет денег, нет материалов, нет людей, противоборствует начинаниям Отдела наобраза, сбива-

ет и страшит политика центра, направленная в сторону левого искусства (Объяснения тех представителей художественной жизни, с которыми беседовал).

Странная картина наблюдается в соотношениях т. наз. «межведомственных». Начинаниям секции ИЗО противится не только Отдел наобраза, игнорируя секцию, не считаясь с ее заданиями, не давая ни средств, не оказывая поддержки, но даже открыто противоборствуя; но почти в таком же положении нелюбимого пасынка находится и секция в подотделе искусств; и общий голос Художественных Мастерских, что с Виноградовым работать нельзя. Над всем этим боязнь власти общегубернской. Например, кому-то понадобилась церковь под театр. Недолго размышляя, купол был снесен, резной иконостас сломан и церковь «реконструирована» в театр. Где был отдел охраны памятников искусства и старины? «Притаившись» сидел. Почему не протестовал, не довел до сведения центра? Боялся «чрезвычайки», которой страшали.

Теперь о Мастерских. Беседовал с худ. Калиниченко, «как-бы» завед[ующим] Мастерскими, и председателем пед. совета подмастерьям Власовым в присутствии ученика-подмастерья.

Мастерские возникли 2 года тому назад. Не имеют уполномоченного. Единственный руководитель худ. Як. Як. Калиниченко, направления типа «Московского Товарищества».

Было 700 учеников – теперь 73, посещаемость 40 человек. Существует две группы. Вследствие раз渲а дела, отсутствия для подмастерьев не только пайка, но и субсидий, призывов на военную службу и пр. – объясняется это падение цифры от 700 до 73. Во всех материалах: красках, холсте, картоне, бумаге, карандашах и пр. – сильная нужда. Для Губотнаобраза Мастерские – пасынок.

Настоятельная просьба Мастерских к центру, переданная мне председателем пед. совета Мастерских от лица Мастерских: 1) Назначить и прислать в самое ближайшее время уполномоченного Мастерскими, который бы организовал дело и сумел бы поставить на должную высоту значение Мастерских перед Отделом народного образования; 2) Прислать руководителя «нового» направления в искусстве, ибо желание иметь такового существует среди учеников. Так, небольшая группа (7 чел.) ушла из Мастерских, не находя в них тех указаний и того пути, которому они хотели бы следовать (Сейчас общее направление в Мастерских реалистическое, типа «Союза» или «Товарищества» вследствие того, что единственным руководителем является художник Калиниченко); 3) Утвердить пед. совет Мастерских, до сих пор не утвержденный; 4) Прислать руководителя скульптора; 4) [sic! – А.Н.] Реконструировать п/отдел искусств (дается отрицательная характеристика заведывающего); 5) Просят сделать распоряжение в Отдел народного образования о выдаче им красок, которые были куплены Мастерскими и отданы на хранение в подотдел, и теперь не выдаются оттуда; 6) Восстановления художественно-столярной мастерской, где изготавливается деревянная резная мебель. Образцы видел – технически выполнены хорошо. Общее направление неудовлетворительно, носит стилизованный характер модернированного «национального стиля». Там же производилась резьба по линолеуму, гравюра по дереву (образцы удовлетворительны), есть желающие учиться офорту, но нет преподавателя. Кроме всего, мастерская прекрасно обрудована с технической стороны, а ученики проявили энергию. Теперь из под ведома Гос. Мастерской эта художественно-прикладная мастерская перешла в ведение отдела Народного образования. Художественная часть «выметена», делаются грабли, топоры и пр. Грабли волюют – искусство молчит. Ученики ушли.

Обследование произведено 29 июля – 1 авг. с/г

Николаем Тарабукиным.

ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 23. Д. 139. Л. 40-41.